

Новая книга поэта Александра Нестругина

В наши дни статус и понимание поэзии неулловимо изменились. Четверть века тому назад лирическая строка, обладающая прозрачностью и приметамы лич-

Вячеслав
Лютый

Родниковая вода

ности автора, считалась неким художественным образцом. Теперь же, когда доктрина самовыражения художника укрепились и стремится сбросить с уродливого корабля современности память о прошлом, кристальные нравственные понятия, отклики сердца на приметы реальной жизни, такие традиционные примеры поэтической речи настойчиво сдвигаются в область архаики. Рецензии и наставления на продвинутых литературных семинарах прививают новому творческому поколению эгоизм без границ и безо всякого смущения иронично характеризуют высокие ноты в лирическом голосе: зачем вам это нужно?

И потому подлинно драгоценны поэты, в творчестве которых время и духовный строй русского человека явлены ярко, узнаваемо, музыкально и точно. К таким фигурам, без всякого сомнения, можно отнести воронежца Александра Нестругина. Лет десять тому назад известная поэтесса Диана Кан заметила: лирика Нестругина похожа на родниковую воду – чистую, живоительно-прохладную, в которой порой попадаются песчаные крупинки. На редкость четкое определение, в котором к тому же обозначены и черты авторские, только ему присущие особенности художественного высказывания.

Биография Нестругина примечательна. Когда-то он был следователем, а потом в течении многих лет возглавлял районный суд. Студентам-юристам говорили, что он похож на идеальный образ судьи, который присутствует во всех учебниках по юриспруденции. Житейски это означает, что перед нами человек твердых убеждений, не склонный меняться в угоду изменчивому времени. И этот нравственный абрис абсолютно соответствует всем литературным произведениям, которые вышли из-под руки Александра Нестругина. За короткий срок имя Нестругина стало своего рода нравственно-лирическим маркером. Тончайший художник, он может говорить твердо и пламенно, внимательный соглядатай совре-

менности, он обладает способностью трепетно и тонко писать о любви, понастоящему русский человек, он чувствует природу и умеет создавать жанровые сюжеты, посвященные охоте и рыбалке. Но прежде всего читатель откликается на биение его горячего сердца:

*Глядя: меж верб сквозит и рдеет,
Вплывае закат и холода, –
О нет, не русская идея!
А просто – русская вода.
Её порой рисуют тёмной,
Текущей из глухих болот.*

*Зачем же к ней идёт бездомный,
Любой обиженный народ?*

*Конечно, есть трава и тина,
Камыш, глухие рукава...
Но, как душа, жива стремнина,
Сейчас – заметная едва.*

В Нестругине живет интуиция нашего далекого предка, который чувствовал реку и лес, поле и небо. Отошел в прошлое пантеон древних славянских богов, но глубинная интуиция, какое-то чутье на порядок более тонкое, нежели черты реальности, все еще встречается в наши дни. А если такая душевная организация соединена с вдохновенным поэтическим талантом, то перед читателем возникает во многом уникальная творческая личность.

Стихи Нестругина о любви также интуитивны, в них живут непередаваемые на язык предметов и понятий дыхания и чувство, когда понимается больше, чем сказано, когда многомерность взгляда и как бы незначущего движения превосходит содержание звучащих слов.

*Может быть, и жила ты – не мною,
А придуманным образом... Но
Это всё не прошло стороной
И не кануло камнем на дно.
Не ушло, не мраморный идол, –
Не просил я погроще удел:
Тот, кого я в глазах твоих видел,
На меня неотрывно глядел...*

Весной 2018-го издана девятая книга поэта “Осокори идут по краю”, в которую вошли избранные стихи, а также короткие поэмы. Автор поместил в сборник те вещи, которые наиболее отчетливо характеризуют наши дни и то вечное, что живет в каждой советливой душе. Всякая новая книга Александра Нестругина становится не только литературным событием, но и нравственным поступком. Читатель будто слышит и видит: можно стоять на своем, не отступать от идеала, можно жить честно, не поступая своим достоинством... И одновременно – быть добрым, хотя и несколько грустным, дорожить любовью и благодарить Бога за то, что ты родился в этот век на русской земле, горестной и великой.

О последних романах Александра Проханова

“Четверть века назад его называли “фасистом”, “рупором “красно-коричневых” и “врагом демократии”. Теперь Александра Проханова, который ни на йоту не изменил своим убеждениям, с юбилеем поздравляет президент страны, а политические ток-шоу наперебей приглашают принять участие в качестве почетного гостя. Известному писателю и одному из ярчайших публицистов России 26 февраля исполнилось 80 лет” (Михаил Панков).

Юбилей Александра Проханова не прошел незамеченным. Его поздравляли и литераторы, и политики, и читатели... Владимир Путин также откликнулся на это событие правительственной телеграммой, в которой отметил, что юбиляр всегда сохранял “приверженность своим гражданским принципам и идеалам”. Естественно, что Александр Проханов – “солоней Генштаба” – занял достойное место в ряду ранее поздравленных президентом деятелей культуры – Аллы Пугачёвой, Филиппа Киркорова, Константина Райкина, Алексея Венедиктова и прочих юбиляров. (Для читателей с чувством юмора. – Т.Л.)

Александр Проханов в преддверии юбилея порадовал почитателей его таланта не только новыми книгами, но отметил главное – книгами самых различных жанров. Я уже писала о “крутом” шпионском детективе “Востоковед”. И вот вслед за ним последовал роман “Русский камень” (М., изд. “Тerra”, 2017). О выходе этого романа восторженно провозгласил Владимир Соловьев рано утром в передаче на радио “Вести ФМ”, процитировав отрывки, касающиеся главного редактора радиостанции “Эхос Мундис” “потомка Юлия Цезаря” Алексиса Венедиктуса – президента подпольной сети Алексея Алексеевича Венедиктова, у которого “были, как всегда длинные, нечесанные и немые волосы. Но это были не волосы, а антенны. С помощью этих антенн он поддерживал связь с центром. (...) Лесья Рябцева погрузила свою нежную руку в пышную шевелюру Алексея Алексеевича в поисках там уха. В конце концов, ухо было найдено, и Лесья Рябцева извлекла оттуда акции Газпрома и прятала их у себя на груди”. Не только акции, Лесе удалось извлечь оттуда и бриллиантовые часы, подаренные главному редактору Песковым.

Реклама возымела свое действие – я заказываю эту книгу и получаю прекрасное изданный фоллиант в цвете, с большим количеством иллюстраций и шаржированным, но узнаваемым портретом, – кого бы вы думали? – Александра Глебовича Невзорова!

С первой страницы книги читатель узнаёт, что радиостанция “Эхос Мундис” создана Ватиканом с благородной целью спасти несчастный русский народ, а все её журналисты – колдуны и маги. “Когда по радио “(Эхос Мундис”. – Т.Л.) шли передачи о Великой Отечественной войне, диктор рассказывал, как в 1941 году, когда Гитлер подступил к Москве, на помощь русским пришли американские полки из Калифорнии и отогнали Гитлера. Командующим Сталинградского фронта был генерал Монтгомери, командующим 2-го Украинского – генерал Патон, а 3-м Белорусским руководил генерал Эйзенхауэр. (...) Однако русский народ не хотел спасаться и оставался неотёсанным русским народом”. Для великой цели спасения русского народа, “спасению” которого противостояли русские иконы и великая русская культура, на радиостанции решили создать существо Аспидус, которое “должно было покорить русский народ и направить его к спасению”. Сотворённый колдунами радиостанции Аспидус явился перед читателями в образе Александра Глебовича (Глыбыча, Хлебовича) Невзорова, который

“представал перед публикой всякий раз по средам на радиостанции “Эхос Мундис”. Именно он “дал определение Российской империи, как пустоты, наполненной непрожеванными дорогами.

(...) Невзороф утверждал, что русский язык родился из скрипа падающих деревьев, брачного крика совы и воплей истязаемого на дыбе мученика. Русский мат есть перевод с татаро-монгольского известных слов песни “Я люблю тебя,

Татьяна
ЛЕСТЕВА

Россия, дорогая моя Русь”.

Прототип и аналогии очевидны – Александр Невзоров регулярно по средам вещает на радио “Эхо Москвы”. Роман-памфлет, главным героем которого является Аспидус-Невзороф, позволяет автору помещать героя и его “эхос-мундиевское” окружение в самые необычные фантазматические ситуации. Фантазии Александру Проханову занимать не приходится. И, тем не менее, аллюзии их угадываются весьма легко.

Вот, например, драматическая история превращения Глебыча Ясинным в кот, которого вышвырнул из редакции Алексей Венедиктов на Новый Арбат. “И стало ему голодно и тоскливо. Однако на заднем дворе ресторана “Барашек”, что на Новом Арбате открыли предприимчивые азербайджанцы, находились мусорные баки с множеством вкусных объедков. Невзороф, прыгнув в бак, уже хотел полакомиться чудесным шашлычком и люля-кебабом, отведать долмы, съест кусочек красной рыбки, как на него набросились другие коты и кошки. Он не знал, что здесь на помойке обитала “семья”. Здесь были кот Юмашев и кошка Татьяна Дьяченко, драные, побитые в драках коты Александр Стальевич Волошин и кот Ястржембский, а также молодая кошка печального вида Наина Иосифовна. Помойка принадлежала этой “семье”, и она не подпускала к ней посторонних. Заявлялась короткая схватка кота Невзорофа с котом Георгием Сатаровым, Сатаров подсобил коту Юмашев и кот Ястржембский. И кот Невзороф, получив изрядную трепку, покинул чужую помойку”. Как говорится, без комментариев.

Безработный Невзороф, переходя от помойки к помойке, решил организовать кошачье “Эхос Мундис”. “Они собирались ночью в московском дворе и, едва гасло в домах последнее окно, начинали свои передачи. Они истощно мяукали, непрерывно стонали, шипели, заунывно подпевали, жаловались заокеанским кошкам, что в России жить невозможно. Здесь нет комфортабельных помоек, права кошек ущемляются силовиками-собаками, несменяемость российской власти приводит к деградации общества. И эта деградация в первую очередь относится к обществу “Мемориал”. Они просили заокеанских кошек оказать давление на российскую власть с тем, чтобы она перестала считать “Левада-центр” иностранным агентом и открыла кошкам русского простонародья доступ к элитным университетам Лондона и Америки”. Увы, жители соседних домов не воспринимали этого свободолюбивого кошачьего воя и забрасывали кошек, чем попало, в том числе подшивками журнала “Дилетант” Дымарского. Информация об этом псевдоисторическом журнале частенько появляется на страницах романа-памфлета, но используется он отнюдь не для чтения.

Не буду перечислять все перипетии жизни

О книге стихов Нины Ягодинцевой “Человек человеку”

Этот поэт уже летит в таких небесах, что ни руками, ни сетью его не поймать; только – сонастроенным, любящим сердцем.

Летит там, где летят птицы и ангелы. У нас в России есть Нина Ягодинцева, поэт милостью Божией; и погрузиться в тексты ее новой книги – всё равно что нырнуть в эту спящую, широкую, на полимра, небесную синеву.

*Губы смочить – в горсти
Пусто. Дыханье – пламя.
Нечего жечь. Костры
Ходят легкими снами,
Жадою лихих мест
И не тая оно
Смысла. Но есть же, есть
Слово – я жажду Слова...*

Книга Нины Ягодинцевой “Человек человеку” – сплав исповеди, музыки, летописи, наблюдения, молитвы, философии, красоты, трагедии. Этот крепчайший сплав и есть, в сущности, подлинная поэзия – редкая птица в век, где искусной и неулловимой стала профанация, притворяющаяся подлинностью, где ложный гремещий пафос заслоняет и удачно скрывает плачущее, молчащее лицо правды, где щемящая струна лирики подменяется условностью геометрически выверенного, игрового текста.

По книге Нины можно проверять градус времени, уже приуحيвшего нас к постоянным контрастам – социальным, культурным, интимным. Удивительная жизнестойкость стихов – у них превосходный живой скелет, стойкий словесный каркас, упругость почти мужская, почти минеральная кристаллическая решетка, – и одновременно их поразительная, глубинная женственность, то великое вечное Инь, что навек вбирает в себя любое военное жесткое Ян, тот океан лиризма и неугаенной (и разделенной, и неутоленной) любви, что льётся из этих строк и слов, – это тоже контраст, и это тоже гармония.

Гармония и контраст – родня; еще Бетховен говорил об этом, и все лучшие художники во все времена соблюдали этот космический закон – не столько как композиционный, скорее как нравственный, по Канту. У Нины Ягодинцевой – то же образное коромысло; поэт идет, и оно балансирует на его плечах:

*Как же мы эту землю любили,
Как несли сквозь беду на руках!
Невозможные розы Сибири
На студеных взошли берегах –
И стоишь в изумлении: дай мне
Наглядеться на буйный пожар!
Из чего эти розы? – Из тайны.
Ради тайны и сердца не жаль.*

Открытость просторам, невероятная живописность и яркость, огненное бытие пресветлого и сверкающего под солнцем дальнего мира – а рядом – нежная тайна твоей, только твоей души. Личная, бессловесная тайна; её только музыкой сказать, выдохом, лаской. И цветы женского сибирского полушала, “разноцветные дикивинные” розы, внезапно становятся этой метафорой мира: женщина несет

мир на плечах, кутается в него в мороз, обхватывает его ярким цветением щеки и груди – чтобы нести, не стыдись, сквозь все страдания, по своему пути – свою красоту.

Эстетика, красота стиха у Нины Ягодинцевой плотно сплетена с философией. Всякий художник – философ, это уже аксиома. И самый трепетно-трогательный, самый интимный лирик – если обернуть медаль другою стороной – самый народный, самый людской, человеческий поэт. Намеренно не произно-

Душа живая

шу слов “социальность”, “социум”: они чересчур приземлены для ощущения, восчувствования неподдельной народности. Когда-то славою и почетом было

Елена
КРЮКОВА

ма для лавы, огня души и духа. У Нины стих классичен. Но это на первый взгляд! Счастье в том, что мысли, чувства, накал эмоций постоянно взрывает эту форму изнутри и на ходу по-своему, по-иному лепит её – материя художества рождается прямо на наших

Елена
КРЮКОВА

глазах (а что есть поэзия, как не такое вот остановленное на лету, единственное мгновение?), и мы становимся живыми свидетелями чуда. “Свидетельствую, ибо истинно”.

*Горы клубятся
дымом грядущих гроз,
Замер у кромки губ лепет воды.
Небо встает*

*во весь исполинский рост,
Не уронив
ни одной золотой звезды...*

Вот так и поэт: во весь рост встает и храбро идет через боль жизни, через житейские и летейские воды, держа в ладонях – и не роняя никогда – светящиеся драгоценности сердца.

Это, конечно, позиция. И опять этика и эстетика здесь сплетены. Художник не может жить без веры и никогда не живет без замысла и умысла. Слово, насыщенное смыслом, наполненное большим чувством, искусство большого масштаба, взгляд, что видит прошлое и настоящее и проникает в будущее – это выбор собственного действия в искусстве, когда то, что тебе врождено, соединяется с твоим желанием и с велением Бога (судьбы).

А лейтмотивы книги, и это правильно, это справедливо, – Бог и огонь. Молитвы здесь и явные, и скрытые. А пламя пылает то и дело, то взвивается, то гаснет, то тлеет под спудом, то горит нежной тонкой свечой, – огонь всюду, он сопровождает поэта, не покидает его, и он – ещё одно доказательство огненной природы и огненной силы этой поэзии; автор просто не дает стихии вырваться на волю безудержно и безоглядно, однако с огнем на страницах книги мы столкнемся не раз:

*...Туда, где восходила
и пламенем реваным
Тоску прожигала чужая звезда...*

*...Но сколько ни живу – живу и думаю:
Мы здесь,
У этой страшной*

*пристани пылающей,
Где пламя
с каждым выдохом сильнее...*

*...Июнь. Темнеет поздно.
Жара стоит по самую душу,
Порой языками пламени*

выпускалась наружу...

*...Я нигде не денусь:
Дороги сердцу нет,
Пока свеча-младенец
Сосёт из мрака свет...*

Этот лейтмотив, эта огненная красная нить, возможно, загорается в поэтической тьме, как биффордов шнур, тайно, интуитивно, – но там и здесь в стихах просвечивающий, а то и откровенно горящий огонь говорит о многом. Прежде всего, о пылающем, изначально пылом сердце поэта (и такое сердце есть благодать). Огонь – и метаморфоза нашего времени, беспощадной современности, что жестким и жестоком костром так или иначе вспыхивает перед каждым ныне живущим. От огня войны до огня любви – всего лишь шаг. Мать, думая о сыне, о родной крови, слышит, как летят истребители над жилыми кварталами, слышит грозный грохот. Огонь вырывается из реактивного самолётного сопла. Мать включает настольный свет в спальне. “Кроме жизни моей, у меня ничего и нет”. Сын спит. Мать – охранительница, оберег, живая защита. Пока есть такие земные матери, кто может сказать людям свое о войне отвергающее, защитительное слово, – мы последнее горе от нас оттолкнем, отведем.

Сказано же, что земная жизнь держится сейчас на нескольких истовых святых молитвенниках, таких, каким был святой преподобный Серафим Саровский.

Мы только не знаем их имена... Но тревога останется. И эта книга поэта, несмотря на всю его нежную красоту и любовь к миру, полна тревоги и боли – не декларируемой, телесно и тихо звучащей: так печальная и суровая тема просвечивает сквозь толщу мотивов в пятиголосной фуге.

Жизнь как юдоль страданий, как сгущение inferно, констатирана была еще Эсхилом и Софоклом, подтверждена Данте и целую вереницей позднейших земных мастеров. Но поэт – всегда Человек Рождущий. Он не мирится даже с неизбежностью смерти. И вышшими, лучшими страницами в книге звучат стихотворные молитвы Нины Ягодинцевой – они сплетаются в надмирный молитвенный, в рифму, венки, и он, вырываясь из живых рук поэта, опять летит в небеса, чая достучаться до наших с вами сердец, ведь и благодать такой любви, возможно, кто-то из нас – пусть хотя одна живая душа! – восстановит, воскреснет, возродится из бездны гора:

*Человек человеку – такая печаль
Неизбывная, Господи!*

*По лукавым речам,
пересохшим ручьям,
По мерцанию в голосе
Приближаемся к небу,*

*где всё на просвет –
Даже горы и крепости.
Человек человеку...*

*Печальнее нет
Сей невидимый край нести.*

*Занимается сердце:
боли, но вмещай*

*Всё, чем жили – да бросили...
Человек человеку такая печаль
Неизбежная, Господи!*

*Невозможная, Господи!
Всюду темно –
А иду как с лампадой.*

*Что мне
в этой пресветлой печали дано,
Коль иду, а не падаю?*

Невзорофа, все его проекты, включая создание Академии мыслей. Например, он “решил вернуть Сталинские премии по литературе первой, второй и третьей степеней. Лауреатами Сталинской премии стали Дмитрий Быков за исповедальную прозу “Как я стал коммунистом”, Дина Рубина за блестящий роман “Евреи-коммунисты”, Улицкая за трилогию “Вперед, заре на встречу” и Акунина за ещё недописанный роман “Чекист Фандорин””. Полагаю, что комментарии излишни.

А сколько их ещё! На каждой странице остро сатирически автор излагает те или иные события жизни главного героя и сопутствующего его

эхос-мундисовского окружения, которые, несмотря на фантазийную обёртку, являются ничем иным как историческими фактами из жизни современной России. Проходят чередой на страницах романа не только либералы – Шендерович, Шмеев, Майя Пешкова, Матвей Гонимовский, Глеб Павловский и Станислав Белковский, Дондурей, равноапостольная Наталья Солженицына, писательница Алексиевич с романом “У Думы женское лицо” и т.п., но и мелькают порой суровые мужики из газеты “Завтра” и даже некий “пузатый писатель”. Вопрос – кто это такой? оставляю без ответа.

Пройдя через огонь, воду и даже превратившись в “адские ворота”, Александр Невзороф обрёл долгожданную комфортную жизнь: играл в казино в Монако, плавал на яхте, катался на лыжах в Швейцарских Альпах, загорал на альпийском солнце, проводил вечера с девочками. Пока... в баре “у него ни закружились голова, и он стал падать с высокого стула на землю”. Проснувшись русская душа, и он стал вспоминать другую жизнь, где он “не был шутком гороховым, где он не был похож на целлулоидного попугая, наполненного гремущим горохом, где он был приобщён к иному – возвышенному и свяченному бытию, из которого его вырвала чья-то злая воля, превратила в клоуна, окружила глупцами и проходимцами, напаяла ему на голову дурацкий колпак с бубенцом”.

Прозрение главного героя романа? Или приговор, вынесенный автором не только герою, но “глупцам и проходимцам” из “Эхоса Мундиса”? Думаю, что и то, и другое. Но автор склоняется к прозрению Невзорофа, который не может дальше так жить и молит о прекращении этой его жизни. Всеблагой господь внял этой молитве и превратил его в русский камень – на берегу Лены появился ещё один столб, причём не простой, а издающий какой-то гул, как будто поэт читал свои стихи.

Сентиментально-ностальгическое окончание, конечно, выходит за рамки романа-памфлета, но Александр Андреевич остаётся верен себе: немного душещипательного лиризма после драматических жизненных коллизий не может повредить, оно только полезно. Вспомним трогательное наивный финал романа “Время золотое” – чудо, мечта о грядущем монархе, – когда навстречу ушедшему с политической арены главному герою в городе дух царя идёт мальчик, над головой которого “тихо золотился воздух”. В “Русском камне” фантастический финал превращения Невзорофа в поющий Ленский столб расценивать как чудо вряд ли можно. Это скорее призыв, наивный совет автора романа своему герою вырваться из той помойки, куда завели талантливого журналиста события русской истории постперестроечного времени.

Окинув взглядом книжную полку с романами Александра Проханова, задаёшь себе вопрос, какие стороны русской действительности им

ещё не охвачены? Героями его романов уже были президенты, премьеры, госсекретари, губернаторы, разведчики, наконец, ведущие журналисты... А где же “украшение” российских телеэкранов – герои шоу-бизнеса? Пришла и их пора.

В ноябре 2017 года в петербургском издательстве “Лимбус пресс” увидел свет роман “Гость”, на обложке которого букву “с” художественный редактор Веселов представил в виде серпа и молота. Как дань неизменяемым коммунистическим взглядам автора, не так ли?

Роман по жанру я бы назвала социальной фантастикой. Главным героем – достигший высот признания и славы Аркадий Веронов – шоумен, ставший по заказу сильных мира сего перформансы. Основная фантастическая идея романа: перформансы – это олицетворение зла – материализуются и вслед за ними происходят в те или иных уголках России страшные катастрофы с большими человеческими жертвами. Эта неочевидная, на первый взгляд, связь событий культуры и реально жизни страны, была, однако, замечена директором “английского инвестиционного банка, работающего в России”, Янгеном Ильёй Фернандовичем. Аркадий или, выбранное автором для своего героя, несомненно, символично: нет, это не пасть, это счастливец (как некогда был министр Аркадий Дворкович...). И действительно, Аркадий Петрович Веронов получает от английского банкира Янгенса – поклонника его искусства – столь щедро оплачиваемое предложение, от которого отказаться нельзя. Это не только “художественный проект”, – говорит ему Янгенс: “Мы испытываем с вами новое оружие. Вы оружией, вы и оружие”. И испытание “оружия” началось.

Роман начинается описанием банкета участников московского экономического форума, так сказать, банковско-промышленной элиты, что позволяет автору дать оценку современному российскому обществу и высказать ряд ироническо-критических замечаний в адрес правительства, разумеется, от их, а не от своего имени.

Успешный банкир “сказал, что современное российское общество делится на победителей, виновников, как он их называл, и лузеров, проигравших, выброшенных из истории. Виноеры – это самые деятельные, способные, авангардные люди России, которые заняли лидирующие места в стране и ведут её к процветанию. Они получили во владения заводы, рудники, корпорации, а вместе с этим – русские реки, леса, океанские побережья. Распоряжаются они всем этим в интересах не только России, но и всего человечества. Лузеры – это лохмоты истории, лишённые воли, талантов. То сырьё, из которого едва ли можно создать полноценный человеческий материал. Они брызжат, ропщут, пьют водку, живут в своих зловонных подвёздах, устраивают поножовщины и раз в году, в годовщину Октябрьского переворота, проходят по Москве в колонне под красными флагами, развлекая своим видом иностранных туристов. (...) Посмеивались над премьером, который владел искусством говорить красочно и объёмно, оставляя после своих речений ощущение удивительной пустоты. “Вакуум мысли”, – сострил один из банкиров.

Отмечала прекрасную форму, которую продемонстрировал президент, что отменяло всякие сомнения в том, что он снова будет баллотироваться на высший пост. (Роман увидел свет до решения Путина принять участие в выборах. – Т.Л.) “Власть” – не часы, которые нужно менять” – только пошутит финансист, намекая на новые дорогие часы, замеченные на руке президента”. И после такой оценки российского общества читатель видит реверанс Александра Проханова в адрес президента, ко-

торый выступил “с напутствием бизнесу следовать не только коммерческой выгоде, но и преследовать национальные интересы”. Слова, слова, слова... Услышит ли их бизнес? Вряд ли.

Вот в эту компанию “виновников” Веронов приносит пулемёт – “артефакт, который мы внесли в область современного искусства, напоминающий нам о былых кровавых убийствах, но теперь знаменующий безвозвратный уход того отвратительного и кровавого времени. Это надгробный памятник на могиле Октябрьской революции” – и начинает расстреливать их “холостыми”, заканчивая лозунгами Великой Октябрьской революции. Последствия перформанса драматичны – взрыв газохранилища в Липецке с человеческими жертвами. От фантастики к реалиям русской жизни.

Эта типичная картинка перформансов Веронова, видоизменяясь внешне в зависимости от публики, перед которой развёртывается действие, повторяется в романе несколько раз с обязательным началом “за здоровье” и саркастическим финалом “за упокой”. Используемый приём позволяет автору вначале сделать реверанс перед заказавшей его перформанс публикой, успокоить её бдительность, чтобы потом неожиданно резко, скандально зпнатьвар присутствующих, высказав явно противоположное мнение, бытующее в народе.

Не буду перечислять содержание остальных перформансов из романа. Главное действующее лицо в них – зло. И это зло, выносимое автором на сцену, не только приводит потом к трагическим событиям в стране, гибели людей в катастрофах, но оно разрушает и душу, и личность самого творца.

Когда к Веронову приходит осознание таинственной связи между “оружием” – его творчеством – и последующими катастрофами, главный герой романа пытается вырваться из этого чудовищного круга ада, вернуться в ту, уже далёкую прошлую жизнь, где были друзья, любовь... Но в мир зла есть только вход. В какие-то минуты ему кажется, что он вернулся в мир человеческих отношений, мир дружбы и любви, но это только на миг. Поселившись в нём “гость” просыпается и разрушает эти минутные иллюзии; зло и разрушение торжествует. Искусство не может и не должно быть разрушительным, – вот основная мысль этого романа.

Чтобы вырваться из адского круга зла, герой романа, вкусив “сладкий педенец искусства”, выбирает самоубийство. И этот финал романа, финал жизни главного героя нужно признать оптимистичным – зло уходит из жизни вместе с его творцом. Остаётся только пожалеть, что катастрофы и трагедии в жизни остались. Фантастика и жизнь – не одно и то же, к сожалению.

Александр Проханов в романе “Гость” утверждает: “Напрасно полагают, что искусство отступило на дальнюю периферию общественной жизни. Мы получили свидетельство того, как новейшая эстетика вторгается в самые закрытые сферы и производит там разрушительное действие”. Почти сто лет назад Вячеслав Иванов в стихотворении “Г.Чулкову” высказал ту же самую мысль:

*Да, сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорим,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нём сгорит.*

Александр Проханов в уста Янгенса вкладывает такие слова: “Советский Союз был разрушен художниками. Без пуга, без восторжен, без военных переворотов. В Советский Союз, по тайной договоренности вашего и американского президентов во время их встречи в Рейкьявике, приехало несколько выдающихся мастеров перформанса”.

Вот она – трагическая история так называемой “перестройки”.